

Творчество Николая Бердяева в контексте идеи философской антропологии

Николай Бердяев – антрополог. Что это значит? Антропологию можно понимать как локальную дисциплину наряду с прочими философскими дисциплинами. Но в таком случае она рискует превратиться в человековедение, ибо содержание и метод ее не очевидны. Для Хайдеггера же, выдвигающего проект фундаментальной онтологии, они в высшей степени сомнительны [6]. Но под антропологией можно понимать не регион философского знания, а философию как таковую. Философия становится антропологией в результате антропологического поворота. Если можно помыслить философию как метафизику или как феноменологию, то ничто не мешает говорить о философии как антропологии. Антропологический поворот в европейской философии совершает Кант в работе «Логика». Формулируя основные вопросы философии: что я могу знать? что я должен делать? на что я смею надеяться? – он сводит их к вопросу «что есть человек?» [4, с. 332]. Другими словами, Кант не просто добавляет четвертый вопрос к первым трем, о которых он говорил еще в «Критике чистого разума», но совершает антропологическую революцию в философии. Однако тема человека для европейской традиции оказывается локальной. Кантианский поворот подвергается мощнейшей критике со стороны философов XX–XXI веков, развивающих идеи очищенной от человека онтологии, натурализма, а также нечеловеческого другого, смещающего человека из центра мира. Как говорит Фуко, Ницше и Фрейд совершили контрреволюцию в европейской философии, расставшись с антропологизмом Канта. Открытие бессознательного закрыло вопрос о человеке. С тех пор, как его стали описывать на языке бессознательного, а не сознания, в философском смысле он умер [3]. Фуко и Хайдеггер разрушают кантианский «четыреугольник», освобождая философию от «антропологического сна» [5, с. 361]. В современной западной философии преобладает постгуманистическая и постантропоцентрическая установки, а Кант либо игнорируется, либо подвергается критике, либо радикально перетолковывается в антикантианском ключе, как в случае с объектно ориентированной онтологией [7].

Русская философия, в отличие от европейской, антропоцентрична. Теоцентричность становится причиной ее антропоцентричности. Там, где центральной оказывается тема Христа, там центральной становится и тема человека. Человек в русской философии понимается в связи с идеей богочеловечности. Бог – это ответ на вопрос о человеке. Бог конститутивен в отношении человека. Он является Тем, в Ком человек испытывает нужду. Чтобы человек был возможен, должен быть Бог. Именно такой подход позволяет русской философии уйти от сущностного языка в определении человека и говорить о нем на языке непостижимости, или, как выразится Б. Вышеславцев, на языке негативной антропологии.

Ростова Наталья Николаевна, доктор философских наук, старший преподаватель кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: nnrostova@yandex.ru

В русской философии не было такого события, как смерть Бога. Был острый интерес к Ницше, но и его философия претерпевала странные превращения, будучи воспринятой как односторонняя реализация идеи богочеловечности. В западной философии вместе с Богом умер и человек. В русской философии Бог не умирал, и человек не умирал. Пережив советский период, русская философия вновь обращается к своим корням. Тема человека для нее оказывается центральной, образующей философию как таковую. Русская философия сегодня концептуализирует человека как иное в отношении мира. Ей чужд позитивизм, натурализм и различного рода редукции феномена человек к объектам, животным, технике, природе, загадкам мозга. Расчеловечивание в русской философии понимается как антропологическая катастрофа, а не как апофеоз свободы мира и мысли от субъекта.

Изначально наиболее радикально вопрос о человеке в русской философии поставил Н. Бердяев. Главная тема Бердяева – не свобода, а человек. Именно в лице Бердяева философия в русской традиции предстала как антропология, или, как выражается сам Бердяев, как философия духа. То, что в европейской философии сделал Кант, в русской – Бердяев. Он объявил о неустранимой антропологичности философии.

Тайный антропологизм философии

«Философия, – говорит Бердяев, – видит мир из человека, и только в этом ее специфичность. Наука же видит мир вне человека. Освобождение философии от всякого антропоцентризма есть умерщвление философии. Натуралистическая метафизика тоже видит мир из человека, но не хочет в этом признаться. И тайный антропологизм всякой онтологии должен быть разоблачен» [1, с. 34]. Что это значит?

Философия по своему существу антропологична. Философия – это философия духа. Антропология – это не периферия философского знания, но его центр, источник. Почему? Потому что бытие в своей истине раскрывается только через человека. Преодолеть человека в философии, говорит Бердяев, значит упразднить философию. Познание бытия из человека и в человеке означает снятие проблемы субъект-объектного дуализма. Гносеология и онтология – это болезнь философии. Гносеологический субъект – это не человек. Противостоящий ему объект – не бытие. Дуализм субъекта и объекта делает познание невозможным и убивает бытие, ибо бытие – это не вещь, его нельзя опредметить, объективировать. Наука занимается объективацией. Философия обращена к смыслам. Она есть не отвлеченное знание об отчужденных предметах, но конкретное знание бытия, или, как выражается Бердяев, «откровение о мистерии первожизни» [1, с. 34]. Философия познает бытие как дух и как смысл.

Вхождение в истину бытия обнаруживает соразмерность бытия и человека. «Человек, – говорит Бердяев, – бытийственен, в нем бытие, и он в бытии, но и бытие человечесно, и потому только в нем я могу раскрыть смысл, соизмеримый со мной» [1, с. 34–35]. Раскрывая бытие как смысл, человек обнаруживает человекоподобность бытия, просветляет его «тьму». «Только бытие в силах познавать бытие... Познание в бытии совершается и является внутренним светом в бытии, изменением бытия... Познание есть внутренний свет в бытии» [1, с. 39–40].

Если бытие – это дух, то у философии, говорит Бердяев, совсем не может быть предмета, ибо философия имеет дело с необъективируемым. Смыслы – это необъективируемое. Их нельзя узнать, ими нельзя овладеть, им можно лишь причаститься. Войти в них, как в область онтологической тайны. «К бытию нельзя прийти, – говорит Бердяев, – из него можно только изойти... Познание есть посвящение в тайну бытия, в мистику жизни» [1, с. 25–29]. Философия для Бердяева становится сродни мистерии или

художеству. Она сопряжена с тайнами непредметного касания и творчества. Бытие – не статика, а творческая динамика. Познание бытия – активное соучастие человека в раскрытии смыслов.

Понимание философии как свободной от догм мистерии заставляет Бердяева перевернуть логику и посмотреть на человека как на духовное существо. Что значит духовное? Это значит, что человек не социальная единица, равно как и не биологическая или психологическая. Ибо он вообще не дробная единица мира. «Мир есть часть человека, – заявляет Бердяев, – а не человек часть мира» [1, с. 34]. Не человек часть мира, а мир часть человека. Человек не тот, кто детерминирован миром, но тот, кто детерминирует мир. Мир не то, что есть, но то, что нужно еще получить. Мир не статичен, но нуждается в актуализации человека. Тайна мира – это тайна его рождения в человеке. В той мере, в какой человек раскрывает смысл, раскрывается и бытие. Смысл не может быть раскрыт как чужой смысл, но только как мой смысл. А потому история философии не имеет никакого отношения к философии. «Философски, – говорит Бердяев, – я могу познавать лишь свои собственные идеи, делая идеи Платона или Гегеля своими собственными идеями» [1, с. 33]. Там, где случаются свои идеи, есть философия, и она неизбежно антропологична, даже если преподносит себя как метафизику.

Философия как знание о необъективируемом – это не религиозная философия, а философия как антропология. Она идет не от Бога к человеку, но от человека к Богу.

Тайна человека – богочеловеческая тайна

«Человек, – пишет Бердяев, – есть великая загадка для самого себя, потому что он свидетельствует о существовании высшего мира. Начало сверхчеловеческое есть конститутивный признак человеческого бытия. Человек есть существо, недовольное собою и способное себя перерастать. Самый факт человеческого существования есть разрыв в природном мире» [1, с. 84]. Человек – это разрыв в мире. Самим собою он свидетельствует о том, что находится по ту сторону природы. И в этом смысле он есть доказательство бытия Бога. Но разрыв в мире, несамотождественность человека должны быть онтологически обеспечены. Бердяев говорит: они обеспечены Богом. А потому он есть конститутивный признак человека. Условие конституции человека. Если не будет Бога, не будет и человека. Он станет дробной частью мира, вечно равной себе. Бог – причина человека. И потому человек свободен от мира и не детерминирован им.

«Понять человека, – говорит Бердяев, – можно лишь в его отношении к Богу. Нельзя понять человека из того, что ниже его, понять его можно лишь из того, что выше его» [1, с. 85]. Чтобы быть человеком, человеку необходимо походить на Бога. В попытке уподобиться Богу, человек становится человеком. Возвышаясь над собой, он делается тем, кто он есть.

«Подлинная человечность, – говорит Бердяев, – есть богоподобное, божественное в человеке... Для того чтобы походить вполне на человека, нужно походить на Бога. Для того чтобы иметь образ человеческий, нужно иметь образ Божий. Человек сам по себе очень мало человечен, он даже бесчеловечен. Человечен не человек, а Бог. Это Бог требует от человека человечности, человек же не очень требует... Человечность и есть богочеловечность. Человек гораздо более реализует в себе образ звериный, чем образ Божий» [2, с. 311]. Неудачная попытка стать богоподобным всегда оборачивается удачной попыткой стать человеком. Гуманизм античеловечен, ибо основывается на идее самодостаточности человека. Человечность раскрывается в отношении к Богу, или, как выражается Бердяев, печать человечности – это печать теоморфизма. И до тех пор, пока мы, как сказал бы Августин, меряем человека божественной мерой, мы имеем дело с феноменом человек. Мерить человека человеческой меркой – значит мерить его дьявольской меркой.

Мерить человека животной меркой – значит разделять современные тенденции в западной философии и закрывать тему человека и сознания.

Русская философия сознания

«Мы стоим, – говорит Бердяев, – перед великой загадкой: как человек мог не захотеть рая» [1, с. 71–72]. Миф о грехопадении – это не просто Библейское сказание, но миф о генезисе сознания. Сознание не то, что есть, не врожденный атрибут человека, но то, что имеет историю своего возникновения и что становится предметом философской рефлексии Бердяева.

Почему человек не восхотел рая? Потому что рай – это состояние неразличения [1, с. 71], хаос и монотонность. Это царство бессознательного [1, с. 72] и инстинкта [1, с. 74]. Здесь нет полноты жизни, ибо свобода человека еще не испытала себя. Она томится в подполье райской жизни и ждет своего часа. До тех пор человек живет вегетативной пассивной жизнью. Он не знает себя, а потому его еще нет. Грехопадение – это отказ от рая, отчаянная попытка человека узнать самого себя. Сознание – это следствие грехопадения, горький плод испытания свободой.

Что значит сознание? «Человек, – говорит Бердяев, – есть существо страстное и легко опрокидывающееся и проваливающееся в бездну. И он принужден сознанием защищаться от бездны подсознательного» [1, с. 115]. Сознание – это защита от первичной свободы, способ оградить себя от хаоса. А потому сознание – это то, что возникает с необходимостью. «После грехопадения, – пишет Бердяев, – была раскована добытийственная стихия, меонический хаос и для охранения образа человека неизбежно было образование сознания, затверждение сознания. Бессознательное перестало быть райским, в нем образовалось темное подполье, и сознанием нужно было оградить человека от нижней разверзающейся бездны» [1, с. 75]. Человеку, чтобы совладать с собой, с не улаживаемым Богом хаосом, необходимо было найти точку опоры, то, что стало бы источником порядка. Этим источником стало сознание. Каким образом? Через ограничения. «Сознание, – говорит Бердяев, – основано на установке границ и противополжности, причиняющих боль» [1, с. 75]. Хаос нуждается в ограничении. Но ограничение – это всегда боль и мучение. Страдание есть единственная причина сознания, цитирует Бердяев слова Достоевского. Сознание и страдание нерасторжимы, как день и ночь. Но для Достоевского эта формула сознания работает в обе стороны. Страдание – причина сознания. И сознание – причина страдания. Страдание изымает человека из мира и не позволяет слиться с ним. А потому в той мере, в какой человек страдает, он сознает. И в той мере, в какой он осознает, он есть. Русская формула сознания звучит так: страдаю, следовательно, существую. И наоборот. Сознание причиняет страдание. Больно не совпадать с миром, быть не в ладах с ним и не иметь оснований для себя и своих поступков. Больно испытывать метафизическую дисгармонию. Бердяев берет лишь один вариант формулы, хотя цитирует другой. Для Бердяева сознание становится причиной страдания, ибо сознание – это источник разделения мира, различения в нем добра и зла. В раю нет различий. В Царстве Божием их тоже не будет. А человеческий мир – это мир различий, положенных самим человеком. Они возникают с необходимостью как условие антропологического порядка, но, возникая, становятся источником непрестанной боли человека.

Бердяев усматривает в возникновении сознания диалектическое движение. Можно сказать, говорит он, что «мир идет от первоначального неразличения добра и зла через резкое различение добра и зла к окончательному неразличению добра и зла, обогащенному всем опытом различения» [1, с. 71]. Если бы добро и зло были предзаданы человеку, он бы не был свободен. Свобода – это не выбор, а возможность учреждать в хаосе порядок.

Выбор возникает вторым шагом. Если свобода есть выбор, тогда человек раб выбора. Свобода, говорит Бердяев, есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри. И лишь этой первичной свободой принимается Бог и его порядок.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев // Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2003. С. 25–422.
2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев // О назначении человека. М. : Республика, 1993. С. 254–357.
3. Интервью А. Бадью с М. Фуко 1965 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-michel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>
4. Кант И. Логика / И. Кант // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 319–444.
5. Фуко М. Слова и вещи. СПб. : А-сэд, 1994. 408 с.
6. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики [Электронный ресурс] // Режим доступа: heidegger.ru/raboty/tom3/kant_i_problema.doc
7. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 152 с.

Аннотация. В статье анализируется философия Н. Бердяева в контексте идеи философской антропологии. Автор связывает феномен антропологического поворота в западной философии с именем И. Канта, в русской – с именем Н. Бердяева. В статье показывается, что тема человека для европейской философии является локальной, а кантианский поворот подвергается мощнейшей критике со стороны философов XX–XXI веков. Тогда как русская философия по своему существу антропоцентрична, поэтому вопрос о человеке может служить водоразделом между русской философией и западной. Творчество Н. Бердяева, по мнению автора статьи, выделяется в русской философии тем, что Бердяев со всей радикальностью заявляет о неустранимой антропологичности философии, превращая философию в антропологию. В статье анализируются основания философии духа Бердяева, его концепт сознания и показывается, как связана идея человека с идеей богочеловечности.

Ключевые слова: Н. Бердяев, философская антропология, философия духа, антропологический поворот в философии, человек, сознание, свобода, русская философия, богочеловечность, страдание.

Natalya N. Rostova, Ph.D. in Philosophy, Senior Teacher, Philosophic Anthropology Department, Faculty of Philosophy, Lomonoso Moscow State University. E-mail: nrostova@yandex.ru

The Work of Nikolai Berdyaev in the Context of Philosophic Anthropology

Abstract. In the article the author analyses Berdyaev's philosophy in the context of philosophic anthropology. The author concludes that the phenomenon of anthropological turning-point in Western philosophy is connected with I. Kant, and in Russian philosophy – with N. Berdyaev. The article shows that the concept of man in European philosophy has the local nature, and Kantian turning-point is severely criticized by the philosophers of the 20th and the 21st century. At the same time Russian philosophy is anthropocentric in its essence, and the concept of man (human being) can serve as the main difference in Russian and Western philosophic theories. The author believes that Berdyaev's work is mostly distinguished in Russian philosophy for his radical postulates on the inherent anthropological essence of philosophy, thus transforming philosophy into anthropology. In the article the author analyses the fundamental issues of Berdyaev's philosophy of spirit and his concept of consciousness, and shows the connection of the concepts of man and God's humanity.

Keywords: N. Berdyaev, Philosophic Anthropology, Philosophy of Spirit, Anthropologic Turn-Point in Philosophy, Man, Consciousness, Freedom, Russian Philosophy, God's Humanity, Suffering.